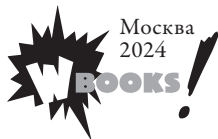

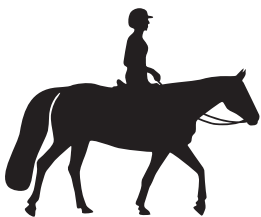
Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

АННА КАРАКОВА

Мой любимый чемпион

Соне.

*Потому что больше всего на свете
Джонатан любил летать.*

Ричард Бах.
«Чайка по имени
Джонатан Ливингстон»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Обнимаемая ветер

ГЛАВА 1

ТОТ САМЫЙ ДЕНЬ

Три дня в неделю — во вторник, четверг и субботу — Саша с отцом тренировались на главной конюшне. Чтобы добраться туда, они минут двадцать плелись верхом вдоль шоссе. Саша на Габи обычно шагала впереди. Её капризная кобыла то и дело тянула усатую морду к обочине — в траву или к кустам. Приходилось постоянно контролировать уздечку — так, чтобы уши Габи «смотрели» прямо. Это раздражало. Отец держался на корпус позади. Он ехал, отпустив поводья, вольготно откинувшись в седле. Джонатан под ним переступал длинными ногами чётко по прямой, словно гвардеец Букингемского дворца во время смены караула.

Миновав заправку, Саша с отцом сворачивали вправо, на грунтовку, под свод берёзовой аллеи. Тут острее, чем животные, они чужали свободу и пускали коней рысью.

За полем виднелась конюшня — зелёный забор, двускатные крыши корпусов с денниками, круглый, как пивной бочонок, деревянный манеж. Там их ждала Полина. Если они запаздывали, то скакали напрямую через

поле. Осенью — по меже, клубящейся туманом, или буро-жёлтой стерне, присыпанной солью первого снега. Зимой — вспахивая рыхлый наст и поднимая колючие облака снежинок. Весной — по нагло-зелёным росткам озимых. А летом — по волнам душистого разнотравья, сшибая на галопе зонтики пижмы и метёлки иван-чая. К Полине опаздывать было нельзя. Она ведь не любитель какой-то, а настоящий тренер. Профессионал.

Для Саши это были важные дни — яркие, потные, острые. Хотя она и понимала — у неё так себе получается. Зычные вопли Полины «Нога! Пятку опусти! Где опять нога?!», отражаясь от свода манежа, возвращались гулким эхом и стояли в ушах до нового окрика: «Александра! Повод подбери!» Полина обычно стояла посреди манежа — невысокая, крепко сбитая. В обтягивающих лосинах и коричневом шлеме она была похожа на гриб-боровик. Отец не вмешивался в тренировки. Ободрающе кивал при случае, но больше был сосредоточен на Джонатане.

Саша боялась, что после очередной провальной тренировки папа скажет:

— Слушай, вдруг мама права? Зря я тебе этими конями голову морочу? А? Шуша? Давай рисовать попробуем? Или танцевать?

Но отец молчал. В его немоте не было ни разочарования, ни упрёка. Просто тема Сашиних спортивных достижений для него не существовала. Отец видел и понимал, что кони для Саши — смысл, радость, жизнь. Своим молчанием он как бы говорил: ну пусть так. Не всем же быть чемпионами.

С Полиной они занимались выездкой: крутили вольты, вышагивали диагонали по манежу от одной

буквы-латиницы к другой, тренировали подъём-галоп, точку остановки. Галоп у Саши обычно получался не с той ноги. А заставить Габи стоять на месте вообще было нереально: кобыла сдавала задом, нервно крутя хвостом. Как в насмешку, Джонатан под папой был словно пластилин. Конь и наездник дышали в унисон, рысили в такт, а когда выполняли команду «стоп», замирали оба и даже не моргали.

— Вы с Джонатаном похожи на кентавра. Только чья-то башка лишняя, — смеясь, комментировала Полина.

Едва Джонику исполнилось семь лет, Полина начала настаивать на стартах. Она считала, что пара папа — Джонатан прекрасно покажет себя в выездке.

— Да ну! Зачем? — отмахивался папа. — Мы — конкуристы! Чего нам ходить по манежу туда-сюда? Мы с Джонику будем летать до неба!

— Ещё неизвестно, как он себя покажет! Ты на нём только начинаешь прыгать, — злилась Полина. — А на выездке вы 70 процентов возьмёте! Или около того.

Но отец упрямо мотал головой, совсем как Джонатан. Саша понимала: отчасти из-за неё. Папа не хотел стоять на пьедестале с золотым кубком, пока она сидит на трибунах как ни при чём. Кони — это было их общее, только их. И не надо было никаких медалек. Ни папе. Ни Саше.

Но было ещё одно: папа верил, что когда-нибудь Джонатан будет лучшим не в выездке, а в конкуре. Полина на эти предположения выдавала скептическое «пфф...».

— В конкурных конях главное — порода! Гены! — доказывала она. — А что твой Джонатан? Дворяняга — он и есть дворяняга!

— Вы как с ума сошли с этим конём! — возмущалась мама.

Если она была недовольна, то разговаривала восклицательными знаками.

— И ты, и Сашка — целый день на конюшне! По колено в навозе! Гадость какая! И что это даёт ребёнку?! Почему кони? Почему не балльные танцы, например?!

— Какие ещё танцы? Не надо никаких танцев! — пугалась Саша.

— Но это же эстетично! Музыка! Костюмы! Пластика тела! А ваш Джонатан и конюшня — одна грязь, пот и больше ничего!

Получалось, кроме папы, в Джонатана верила только Сашка. Они с отцом всегда были заодно.

Папа купил Джоника, когда поехал за другим конём.

— Захожу в манеж, — с детским восторгом рассказывал он. — Выводят такого красавца — мама дорогая! Мощный, здоровый! Богатырский конь. Ну, пока я на него сажусь... выскакивает из предманежника этот... коняга! Ни рожи, ни кожи. А зад поджарый, сухой. И ноги жилистые, длинные. За ним конюх бежит: стой, мол, зараза, куда?! А этот покрутил башкой, сориентировался — не глупый, значит. И как пошёл маршрут! Один! Без наездника! Просто потому, что в кайф! Потому что кровь бурлит! Потому что хочет прыгать! Я того богатыря даже смотреть не стал. Забираю этого! — говорю. — Сивку-Бурку! А хозяин-то

обиделся, что я его так назвал. «Вовсе, — говорит, — его не так зовут. Сын мой вычитал. Что-то там про чайку, которая летала выше всех». Я спрашиваю: «Джонатан Ливингстон?» И тут Джоник как вскинется! И ко мне! Я его по холке треплю и чувствую — мой! Ну, точно — мой конь! А хозяин его бывший смотрит удивлённо и говорит: угадали. Только попроще, как положено. Две буквы в имени от отца — Динара, одна от матери — Назаретты. Так что зовут его одним словом — Джонатан.

Смешно сказать, но Джоник с папой были внешне похожи: широкие плечи-круп, поджарый зад, длинные жилистые ноги. Худые и сильные, как натянутые струны, икры. Даже цвет папиной шевелюры и конской гривы — тёмный с медным отливом — почти совпадал. Гнедая масть.

— В прошлой жизни Джонатан был моим братом-близнецом, — шутил папа. Потом призадумывался и добавлял: — А может, я — его.

Конюшня, где стоял Джонатан, была небольшой и небогатой. Никаких тебе кафе, раздевалок, беговых дорожек для коней, ультрафиолетовых ламп и бассейнов. Дощатый сарай с земляным полом, поделённый на денники небрежно струганными досками. За порогом конюшни — огороженный кривыми брусьями плац. Луг, сбегаящий в долину. Синее небо до горизонта.

Три дня в неделю — в среду, пятницу и воскресенье — папа с Сашкой занимались конкурром. Устанавливали препятствия — пару чухонцев, систему. И прыгали. И если есть на свете счастье — это было

оно. Развернуть коня на препятствие. Постановление. Прыжок! Если по вторникам, четвергам и субботам они вкальвали на тренировках с Полиной, то в остальные дни оба летали!

Джонатан в холке — сто семьдесят девять сантиметров. И вот он отталкивается и прыгает на метр выше! На целый метр! В прыжке у коня есть такое свойство — зависать. На миг, на сотую долю секунды, но застывать в воздухе вместе с всадником. И этот миг... Кто испытал хоть раз, вряд ли забудет.

У них был ещё один способ «приключиться», как называл это папа. Он вообще любил по-своему использовать слова, придавая им новый смысл.

Летом, когда было время и позволяла погода, они возвращались из главной конюшни не коротким «верхним» путём вдоль шоссе. А низом, по берегу моря.

— Не закатить ли нам гастроль имени Петрова-Водкина? — всегда неожиданно, на развилке спрашивал отец.

— Да-а! — радостно вопила Сашка.

— «Закатывать» в данном случае — от слова «закат»! — каламбурил папа, сворачивая к заливу. — Даёшь купание красного меня!

Они кружили по узким тропинкам, спускаясь к морю тряской рысью. Когда выходили на побережье, кони вставали как вкопанные, фыркали и мотали головами. Вокруг было столько воздуха, неба и воды, что даже Сашка дурела.

— Что, погнались?! — спрашивал отец.

— Погнались! — отзывалась Саша и первой поднимала Габи в галоп. Как обычно, не с той ноги.

...В тот вечер, который снится Саше два года, они как раз «закатывали гастроль». Спустились к морю и обнаружили, что солнце уже упало за горизонт, оставив после себя полыхающее пурпурное небо и розовый отблеск на тёмной воде, который катился к берегу ленивой длинной волной.

Сашка с папой пришпорили коней и помчались вдоль воды. Из-под копыт летели брызги — тёмно-красные в отсветах заката, похожие на зёрна граната. Отец бросил поводья и раскинул руки, обнимая ветер.

— Давай, Шуша! — кричал он. — Не дрейфь! Отпусти повод, не бойся!

Но Саша боялась. Мало ли что придёт Габи в голову? А вдруг испугается? Или понесёт? И повод не отпускала.

Они летели вперёд, обгоняя друг друга. Отец поддался Сашке и отставал. Она сейчас это понимает. А тогда — нет.

— Ну, что? Кто теперь первый?!

— Я! — кричал отец, обгоняя.

— Нет, я!

Саша, не оглядываясь, вырвалась вперёд.

— А сейчас?! Скажи, па!

Отец не отвечает. Тишина за спиной бьёт ознобом по затылку. Саша оборачивается. Отца нигде нет.

Саша цепенеет, натягивая поводья. Они с Габи топчутся на месте, озираясь. Кругом темно, как будто над заливом опрокинули банку чернил.

— Папа, ты где? Па-ап?!

Вдруг из тьмы появляются кони — страшные, с выпученными от ужаса белками глаз, с чёрными дырами оскаленных ртов, с гривами, стоящими дыбом.